

Константин Леонтьев

**«Московские ведомости» о
двоевластии**

Константин Николаевич Леонтьев

«Московские ведомости» о двоевластии

«...В Европе было двоевластие духовного и светского начала; в Европе была между ними борьба; вследствие этой борьбы вышел на историческую сцену народ; теперь «демократические волны заливают монархию и она не может устоять противу них. Западный монархизм существует только фиктивно – на почве конституционных доктрин. Полное торжество демократии есть только вопрос времени».

Против последнего положения нельзя спорить...»

Содержание

Константин Леонтьев «Московские ведомости» о двоевластии	0004
I	.0005
II	.0019
#4	.0028

**Константин Леонтьев
«Московские ведомости» о
двоевластии**

<Оставлено место для цитаты. – Ред. >

Так ли это? Не скрыта ли за этими строками некоторого рода *патриотическая тенденция*, которая хороша по намерению, но может стать и весьма вредною, если бы подобные взгляды на историю Запада возобладали бы твердо в умах правящих и влиятельных у нас людей. *Двоевластие на Западе! Император и Папа.* Договор и борьба; договор и борьба. Мы давно это слышим; по фактам – это верно; сомневаюсь, верен ли взгляд по *выводам*, по *приложению* этого примера к России? В Европе было двоевластие духовного и светского начала; в Европе была между ними борьба; *вследствие этой борьбы вышел на историческую сцену народ*; теперь «демократические волны заливают монархию и она не может устоять противу них. Западный монархизм существует только фиктивно – на почве конституционных доктрин. Полное торжество демократии есть только вопрос времени». Против последнего положения нельзя спорить. Конституционная монархия не есть

монархия, действительно; в конституционном государстве властвует демократическая *полиархия*, слегка ограниченная исполнительной и большей частью только отрицательной силой «Князя» (Государя). Обернем рассуждение с конца. Допустим, что господство крайней демократии вообще есть канун распада государства. Допустим это... *Приближение* этого господства есть признак того, что зовется началом конца. Как же могут *пасть* западные государства? Куда же они денутся? Все *прежние* государства погибли насильственной смертью. Египет и Вавилон были завоеваны Персией; греческие республики были покорены Македонией. И Египет, и Греко-Македонское царство, Иудея и часть прежних персидских владений были все вместе завоеваны римлянами. Другая более значительная и более коренная часть Персидского царства была покорена гораздо позднее арабами. Рим был разрушен германскими варварами. Византия была покорена турками. Даже и в истории Европы – мы видим то же. Многие, более слабые царства утратили свою независимость благодаря постороннему насилию,

благодаря завоеванию. Венецианская республика была разрушена французами и потом уже передана Австрии. Все германские особые государства на наших глазах покорены Пруссией; Церковная область насильно присоединена к Итальянскому королевству. *Раздел Польши* не называют завоеванием только потому, что Польша *почти* не воевала тогда, не будучи в силах противиться таким трем большим державам, как Россия, Австрия и Пруссия. Исключения составляют только Венгрия, Чехия и Шотландия, которые присоединены к Австрии и Англии иными путями. Но ведь и эти *не завоеванные*, а только присоединенные страны – должно все-таки считать *падшими* как государства *действительно независимые*. Не так ли? То же самое можно сказать и о будущем Европы. Все государства Западной Европы стремятся обратиться в эгалитарные республики. Конституционные, демократические монархии – есть лишь переходная и в историческом смысле кратковременная форма правления. В Англии аристократия – есть только бледная тень того, чем она была еще в начале XIX века; еще шаг и

разницы между Англией и буржуазными монархиями Луи Филиппа и Виктора Эммануила – не будет почти никакой. Для людей близоруких – Германия до *вчерашнего дня* казалась исключением. Казалось, что в ней монархия очень сильна. Но что же это за монархия, которой вся сила зависит от одного гениального человека? Этот человек ушел от дел и все начинают сомневаться в силе того государства, которым он тридцать лет правил! Объединенная и давно демократизированная Германия может быть еще очень опасна для соседей и сильна на одну, на две и даже три войны. Была же опасна и сильна *два раза* Французская, глубоко демократизированная, империя? Но и только. Здесь же речь не о победах, которые не всегда влекут за собою *прочность*, а об *самой прочности* этой. Конечно, и Германия *идет туда же* – к демократии, и потом, *несомненно*, как и все, к республике... (Я Россию оставляю пока в стороне для ясности мысли; в истории все наличные силы действуют разом, в конкретной связи; но мы так конкретно не можем излагать наши взгляды; надо *отвлечь* чистую мысль от

сложного явления; надо отделить сначала все то, что мешает ясности; а потом должно опять и это отделенное взять в необходимый, окончательный расчет.)Итак, все государства Европы, несомненно, стремятся к одной и той же форме – *эгалитарно-либеральной республики* . Надолго ли эти буржуазные республики могут отстоять себя от напора все *возрастающего* социализма – это еще в наше время невозможно решить. Для этого надо прежде дожить до уничтожения монархической власти в Германии, Италии и Англии. Нельзя теперь еще решить – *надолго ли* ; но можно и в наше время *знать* наверное, что они *не отстоят себя* . Социализм так или иначе *восторжествовать должен* . Что он такое будет – сам этот социализм – орудие<м> ли только всеобщей анархии или залогом и основой нового неравенства и деспотической организации, – это еще загадка. Но сообразивши, с одной стороны, то, что полная анархия никогда долго продолжаться не может, и очень скоро вызывает потребность еще более строгого порядка; а с другой, что то полнейшее равенство прав, положения, обеспечен-

ности и воспитания, которого требуют социалисты эгалитарные, физиологически *невозможно*, – надо думать, что социализм может переродиться на практике и принять организующее направление. *Организация* же есть *непрерывно* неравенство, власть, *принудительные* группы и слои и т. д. По выходе из анархии придется опять повиноваться, опять слушаться и нехотя; опять выносить нечто вроде нового рабства, нечто вроде нового деспотизма, быть может, даже нечто вроде новых сословий... Если эта организация будет снабжена достаточной властью, достаточною неравноправностью, – то она может держаться не век, а целые *века*, подобно феодальной?; если эта власть и эта неравноправность будут слабо выражены, то и *эта форма* будет непрочна; ее господство будет считаться только годами, а не веками, и весь Запад будет еще как *ой?*-нибудь век перебиваться изо дня в день, подобно республикам Южной Америки или греческим республикам перед македонским нашествием – в ожидании какой-нибудь *чужой* и сильной руки (русской или китайской – не знаю, конечно;

по нашей *доброте* и *наивности* – вернее китайской!). Но как бы то ни было, еще прежде чем социализм успеет выразить, что он такое – *краеугольный камень* нового созидания или тот камень разрушения, который разобьет глиняные ноги европейской демократии, – эта самая демократия (либеральная, буржуазная, капиталистическая) может и должна даже образовать *общеевропейскую республиканскую федерацию*, весьма однородную и однообразную. Ни монархов, ни Папы, ни дворянства; кое-какая религия останется, быть может, *только терпимой*, как личная потребность многих, *терпимая* не из уважения к ней, а из снисхождения к слабоумию или малодушию молящихся. Разве такие *общеевропейские республики* не есть совершенное *вырождение* прежней культуры *западной*? Разве это не падение всех *отдельных больших* государств; подобно паденью малых германских и малых итальянских, которое мы видели; подобно древнему *слиянию* всех итал<ийских?> мелких царств и республик в одной республике – римской, или всех русских княжеств – в одно Московское Царство?

Чем эти государства тогда будут друг от друга различаться и отделяться кроме языков? Это отличие и не культурное, и не государственное, а только физиологическое, и значение имеет только для низших классов населения; правящие – найдут себе и тут немедленно общую почву и естественнее всего (на первое время) тот же французский язык. Эти будто бы государства, эти *тени* государств – будут различаться между собою не более *штатов* Северной Америки и кантонов Швейцарии. Допустим даже трудно допустимое, допустим, что это будет прекрасно, прочно, примерно и т. д. Что и слабости – буржуазного, либерально-конституционного правления, анархии не будет, потому что будут сделаны все возможные уступки рабочим. Пусть это будет так, – но разве все-таки это прочное торжество республики рационалистической, матерьялистической, по возможности эгалитарной и по возможности либеральной – не будет полнейшим отвержением всего того, что было основами прежнего величия и прежней оригинальной европейской культуры, – Папства и Протестантства, монархии и дворянских

принципов?..Конечно, это будет не только слияние (т.е. *падение*) всех отдельных и столь разнородных государств Запада, но и уничтожение ее культуры . (Ибо культура во все не состоит в распространении *познаний* , в науке и т. д., а в совокупности всех тех признаков, которыми одна цивилизация отличается от другой; при этом и все самые невежественные местные поверия, суеверия и закоснелости играют свою значительную и весьма во многом полезную роль. *Общие знания* , напротив того, перейдя за некую, неуловимую еще разумом черту, – сильнейшим образом способствуют разрушению культур живых и самобытных. Для высшего цветения какой бы то ни было культуры – недостаточно ни всеобщего местного невежества, ни излишнего распространения общих знаний, а какое-то гармоническое сочетание того и другого. Нужна гармония *знания и незнания* .)Итак, федеративная республика – есть идеал, к которому стремятся все народы Запада, и приблизительное достижение этого идеала будет уже само по себе падением европейской культуры и европейских государств – *независимо*

от последнего удара посторонней руки , удара, который в истории постоянно наносился завоевателями расслабленным государствам и износившимся культурам. До сих пор я согласен с автором передовой статьи «Московских ведомостей» (.....). Результат мы, видимо, предчувствуем один. Но я всегда опасаясь этого приема: на Западе было *двоевластие* , была борьба Рима с императорами: *вследствие* этого на Западе восторжествовала демократия. Значит, если бы не было *двоевластия* , – не было бы разложения. На Западе во всех сношениях господствовал *договор* ; договор выразился и в конституции. *Вследствие* этого «демократические волны грозятся затопить» ... и т. д. Значит, если бы не господствовал договор, – то не настало бы никогда и то падение, о котором мы оба с автором статьи одинаково, *кажется* , думаем. В этой статье «Московских ведомостей» упоминается только о *двоевластии* и *договорном* характере западной государственности; но многим, я думаю, случалось встречать в русской политической литературе другие соображения, сходного с этим порядка. Например:– На Западе

езде было *завоевание* ; вследствие этого образовалась сильная, настоящая *аристократия*. *Гнет* аристократии породил *демократическую* (народовластитель<ную?>) реакцию. Произошла эгалитарная революция, и народ пожелал участия во *власти* .Значит, – если бы на Западе не было бы *завоевания* и происшедшей от *завоевания аристократии* , то не было бы и современного *демократического* разложения.К подобного же рода взглядам можно отнести и взгляд И. В. Киреевского на Католичество.Западная Церковь, отделяясь самовольно от Восточной, погрешила *рационализмом* . Римское Папство *рационалистического* происхождения; оттого – оно и породило и Протестантство, и безбожие (так <как> они оба только высшие степени того же рационализма).Значит, если бы не было Папства (т. е. отделения Западной Церкви от Восточной), то не было бы в Христианстве ни рационалистических сект, ни полного безбожия.Этот странный взгляд, как известно, был позднее не только принят всеми славянофилами (за исключением одного Данилевского, который о *рационализме* этом молчит), но и повлиял

даже на нашу богословскую школу и проник на страницы духовных журналов. При всех этих рассуждениях явно или скрытно – за строчками – следуют естественные приложения этих взглядов к России . Эти-то приложения для нас важнее всего.1) Не Восточная Церковь отделилась от Западной, не присвоила себе права...; а наоборот. Значит, Восточная Церковь не погрешила рационализмом в минуту разрыва, – поэтому в обществах, исповедующих Православие, нет места ни рационализму, ни безбожию.2) У нас не было двоевластия, не было полной независимости Церкви от власти Царской, – поэтому у нас никогда невозможны конституция и равенство прав.3) У нас не было системы договоров , – поэтому опять-таки у нас невозможна конституция, которая есть договор.4) У нас не было завоевания , не было поэтому настоящей аристократии ; не может быть и демократии , т. е. народовластия.Изо всего этого естественно следует такой вывод:– Конституция, демократия, гражданское и политическое равенство (порождения двоевластия, договора, аристократии) ведут Запад к падению. А так

как у нас двоевластия, договора и аристократии не было, и не будет их антитез и вредных плодов, то – *Россия неразрушима вовеки* !Значит, и Православие, и русская государственность навсегда незыблемы.Если так, – отчего же мы *не без основания* боимся *теперь* и равенства прав, и безбожия, и рационализма и против конституции пишем и говорим так горячо и усердно?Если все это *органически* нам недоступно и не опасно, то о чем же и тревожиться?Увы! Надо тревожиться и неустанно бороться.Еще остается вопросом, можно ли без независимости Церкви (я не говорю точка в точку без *двоевластия*), без рыцарс<тва,?> аристократии, без борьбы сильных и резких сословий и истекших из этой борьбы договоров – можно ли создать столько великих вещей, сколько создал их *старый* , т. е. прежний Запад. А *уподобиться* новому Западу очень легко и без всего этого феодального и римского «зла»...Разрушиться можно – и без Папства, и без рыцарства, и без договоров... Быть может, даже легче и скорее, не имея таких могучих реальных сил в своем прошлом, чем переживши их. Почва рыхлее, постройка лег-

че...Поэтому – не в том радость, что у нас не было *двоевластия*, а в том горе, что у нас Церковь слишком зависима от светской власти. Немного этого двоевластия не мешало бы. Без *непогрешимости единоличной* и без *светской власти духовных лиц*. Народ, низшие классы, покоренные племена – могут везде выдвигнуться и захватить даже власть; и там скорее, где сословная разница была не так велика, где равенства и подвижности было, значит, больше. *Договоры* не сами по себе хороши; они были следствием открытой борьбы; открытая же борьба доказывает, что и сословия, которые боролись между собою, были резки и сильны, – и Папство и Монархия тоже. А без сословий – долго государству жить нельзя. Конституцией же испортить государство можно и без *договорного* прошлого и без *двоевластия*. И у нас чуть-чуть было не сделали этого 10 лет тому назад.

Если завтра вся бы романо-германская Европа провалилась бы в глубь океана как Атлантида, и можно бы было ее судить с полным историческим беспристрастием, – то, конечно, все бы оставшиеся на земле люди должны бы были согласиться, что такой великой, сильной и полной, интенсивной и экстенсивной культуры *до нее* не было. *И едва ли будет и после нее!*

Было время, когда и я заодно с Данилевским верил в то, что у нас будет *полная* 4-хосновная [1] культура; но я уже давно начал сомневаться в этом...

Глядя на то, как еще робко до сих пор пытаемся мы стать на особый культурно-бытовой путь, страшась нашей глубокой запутанности во всех делах Европы посредством разных ученых *съездов*, выставок, компаний, телеграфов, почт и т. д.; не замечая еще никакого резкого изменения в наших привычках, вкусах, модах и зная, как $2 \times 2 = 4$, что все это вовсе не *внешность* одна, а неизбежное выражение глубочайших внутренних потребно-

стей, – я при всем желании моем думать так, как думал я прежде (т. е. заодно с Данилевским), начинаю все больше и больше колебаться... Горькие и почти насмешливые слова Влад. Соловьева: «Русская цивилизация – есть цивилизация европейская» – беспрестанно вспоминаются мне в моем одиночестве...

А что – если он с *этой стороны* прав?

Оставим его *католические* увлечения. Пока не соберется Восточный Вселенский Собор с целью признать непогрешимость Папы и право на вставку в Никейский Символ слова *filioque*, – мы, *верующие в учение Восточной Церкви*, не имеем права сдаваться на его убеждения. Предоставим г. Соловьеву – ставить свой пророческий дар выше *обеих Церквей*; возносить Западную, – не подчиняясь ей все-таки посредством перемены исповедания, и пребывать лично на лоне Восточной, всячески унижая и почти кощунственно понося ее.

Оставим его Католицизм в стороне сверх того и потому, что *единоверие* не исключает еще весьма большой разницы в других отраслях культурной жизни. (Православная Византия времен Ирины или Феодоры и Православ-

ная Россия времен Елисаветы и Екатерины – какая разница! Испания и Польша – обе XVI–XVII века, например, – в чем они были схожи, кроме религии...)

Все знают, что я ничуть не желаю, чтобы Россия стала католической, но я хочу только сказать, что если бы наш государственный строй, наши философские воззрения, наша литература и весь наш *внешний* быт – отличались бы *глубоко* от Запада, то и единоверие бы не могло бы убить сразу силу культурного нашего своеобразия.

(Я приведу еще пример наглядный. Православный сирийский араб, греческий паликар из Эпира или Акарнании и калужский крестьянин наш – одной *веры*, но разве культурно-бытовая разница их не огромная? Так могло бы быть и в высших классах; так и было в старой, *великой* Европе.)

Поэтому оставим здесь, говорю я, католические увлечения Соловьева; о них речь была только мимоходом.

Не Католичество его тревожит меня, – меня смущают его обидные слова:

– Русская цивилизация есть цивилизация

европейская...

Я нахожу на это множество возражений и у других, и в собственной мысли, – но самоуверенный тон его, сознаюсь, колеблет меня, и я повторяю:

– А что если с *этой стороны* Соловьев видит дело вернее нас; что если мы хотим верить тому, что нам приятно, и ослепляемся?

Для меня несомненно, что Данилевский прав вообще в своей теории культурных типов *относительно прошедшего*. Но относительно настоящего и будущего – надо поразмыслить.

Будет ли еще вообще новая, вполне независимая, полная, оригинальная культура на земном шаре – это вопрос!

Из того, что отдельные европейские государства устарели – еще не следует непременно, что идеи, вкусы, уставы и новейшие верования (эгалитарные и безбожные) не распространятся и на внутреннюю Азию, и на Африку (Америка и Австралия – всё та же Европа).

Положим, эти новейшие идеи, привычки и верования – ложны, пошлы, даже гнусны и всё, что хотите, с нашей (с Данилевским) точ-

ки зрения, но разве торжествует на земле всегда то, что прекрасно или что *нам* кажется истиной. Для христиан Мусульманство было ложью; однако оно подчинило несколько веков тому назад не только власти своей, но и духу многие христианские страны. Для хорошего французского католика и легитимиста – демократическая революция есть ложь и гнусность, однако она восторжествовала во Франции – и *возврата нет* ! Очень может быть (даже можно сказать – наверное), что то культурное однообразие средних людей, к которому может прийти все человечество под влиянием эгалитарной и безбожной европейской цивилизации, – ведет к безвыходной бездне тоски и отчаяния... Придется, вероятно, тогда вымирать или иначе гибнуть, – ибо тоже возврата не будет! Но эта опасность погубить вместе с собою человечество – никогда не остановит европейцев (по племени или только духу). Они будут верить, что в этом не только выгода их, но долг и высшее призвание.

Даже завоевание всей Европы (положим – китайскими монголами) не уничтожит

непрерывно этой возможности всеобщего заражения. «Победители приняли нравы и обычаи побежденных», – так учили еще нас в детстве; я помню эту верную фразу; и примеров этому много.

Итак, – прежде всего еще остается вопросом, будет ли еще вообще какая-нибудь новая, прочная на 8–9–10 веков (как другие, прежние были), своеобразная цивилизация или нет?

И если будет, – то славяне ли ее разовьют? Или кто-нибудь другой...

И, наконец, если славянство, руководимое Россией (после благоприятного разрешения Восточного вопроса), и уклонится несколько в сторону от общеевропейского русла, – то насколько резко будет это отклонение?

Не будет ли оно так незначительно, как было незначительно отклонение римской культуры от греческой? Ибо нравы и весь внешний быт римский был очень схож с греческим; а государственность римскую священно-муниципального и республиканского происхождения можно также считать как бы развитой и с успехом выработанной эллин-

ской государственностью.

Можно, конечно, и на этом примириться с исторической судьбой нашей, но от этого еще очень далеко до 4-хосновного типа, о котором мечтал Данилевский. Он говорил, что романо-германская цивилизация – культура только 2-хосновная, т. е. в ней хороши и сильны только 2 стороны – *научно-художественная* и *государственная*; а религиозная и экономическая слабы. Религиозная – потому, что Католичество есть *искажение Христианства*; экономическая – потому, что на Западе *феодализм капитала*.

Искажение ли Католичество или нет, это вопрос богословский, которого я здесь не хочу касаться (как лично верующий в правоту Православия, я даже обязан с этим согласиться); но когда мы хотим поставить вопрос на объективно-научную точку <зрения>, как ставил его Данилевский, – то нельзя брать за критерий или за основу суда наше с ним *субъективное верование*. Культурно-органическая точка зрения – не есть собственно христианская; она может быть тесно связана с моим личным Христианством, но, чтобы су-

дить объективно, я должен уметь выходить и за пределы моей *личной религии*; я могу не только этой личной верой, по богобоязненности, но во многих отношениях даже и разумом понимать, что Православие *правильнее* Католичества в догматическом и душеспасительном отношении. Но когда речь идет – о *развитии*, о *своеобразии*, о *творчестве культурно-религиозном*, – я не могу не видеть, что после разделения Церквей Православие в Византии остановилось, а в России (и вообще в славянстве) было принято оттуда *без изменений*, то есть без *творчества* (вредного или полезного – *все равно пока*). А европейская культура именно после этого разделения и начала *выделяться* из общевизантийской цивилизации. В истории Католичества, – что ни шаг, то *творчество*, *своеобразие*, *независимость*, *сила*.

Другое дело – религиозная истина моей веры; и другое дело – истина исторического взгляда. Иудейская ветхозаветная вера в значительной мере обязательна для всякого христианина; но разве можно сказать, что она во время Моисея и пророков <была> так *развита*

и богата *разнообразным* содержанием, как ложная для нас языческая вера древних египтян или браминов? Нельзя.

И ложное может быть очень своеобразно и очень развито, интенсивно и содержательно.

Католицизм – религия такая могучая и полная, какой, быть может, еще и не было на земле. Как же не *основа* ?

Не любите Католицизма, не веруйте в него, боритесь с ним, но как же можно не считать его *третьей по счету* и *первой по значению* культурной основой романо-германской истории.

То же можно сказать и про экономическую сторону.

Кого уверит Данилевский, что эта хозяйственная сторона в Европе – слаба. Что она не влиятельна... Так как в книге его речь идет о смене культур, или о некоторой преемственности их, то когда же и где же, до полного развития романо-германской цивилизации – было такое *хозяйство* ?.. Такая торговля, такое промышленное богатство? Даже такое усовершенствованное земледелие... [2] < текст обрывается >

Примечания

1

Религиозная, государственно-социальная, научно-художественная и экономическая.

2

Кир<еевский>